

Джон Уайтфорд.

Только одно Писание.

**Несостоятельность протестантской точки зрения
на Священное Писание.**

**Издание исправленное и дополненное, 2003 год.
Интернет-версия под общей редакцией
Его Преосвященства Александра (Милеанта),
Епископа Буэнос-Айресского и Южно-Американского.**

Содержание:

Введение.

Почему авторитетно “ только одно Писание?”

Проблемы с учением “только одно Писание.”

Первая ложная предпосылка.

Какова была цель новозаветных писаний?

Является ли на самом деле Библия “самодостаточной”?

Вторая ложная предпосылка.

Третья ложная предпосылка.

Протестантское учение, признающее одно лишь Священное Писание,
не удовлетворяет собственному критерию.

**Несостоятельность протестантских методов
толкования Библии.**

Первый подход: Библию нужно понимать буквально — текст ее ясен.

Второй подход: правильное понимание дает нам Святой Дух.

Третий подход: неясные места следует толковать при помощи ясных.

Четвертый подход: историко-критический экзегезис.

Православный подход.

Заключение.

Введение.

С тех пор как я обратился из евангелических христиан в православную веру, я часто замечал, что среди людей, рожденных и воспитанных в православии, сам факт обращения протестанта вызывает удивление. И это вовсе не потому, что они сомневаются в правильности своей веры; просто им кажется невероятным, что всем известное протестантское упорство в собственных заблуждениях могло быть поколеблено.

В конце концов я понял: большинство православных имеет весьма смутное и ограниченное представление о том, что такое протестантизм и каковы его корни. Таким образом, когда исконные православные спорят с протестантами, они, как правило, не понимают друг друга, даже когда употребляют одни и те же слова, — ибо говорят они на разных богословских языках, другими словами, у них нет общего богословского базиса, который позволил бы им обсуждать то, что их отличает друг от друга. Конечно, если принять во внимание, что в настоящее время существует более двадцати (!) тысяч различных протестантских деноминаций, единственная общая черта которых состоит в том, что каждая из них претендует на исключительно правильное понимание Библии, то можно только посочувствовать тем, кто хочет в этом разобраться.

Но несмотря на все препятствия, стоящие на их пути, у протестантов безусловно, все же есть надежда придти к Истине. С их тягой к богословскому знанию, к истинному богочитанию и подлинной древнехристианской вере, они фактически стучатся в двери нашей церкви. Конечно, для тех, кто к данной проблеме равнодушен, подобное заявление звучит странно. Их больше не удовлетворяет противоречивость и зыбкость религиозной жизни современной протестантской Америки. Но прежде чем мы раскроем двери перед этими вопрошателями, мы должны соответствующим образом подготовиться. Поистине этим людям есть чему научиться у православных! Многие из них — это протестантские служители или просто наиболее образованные в религиозных вопросах рядовые верующие. Это искренние искатели истины, но им придется многому учиться заново, и тогда им потребуется помощь со стороны достаточно теоретически подготовленных православных, хорошо представляющих себе как сущность протестантизма, так и то что, пожалуй, еще важнее — во что они веруют сами.

По иронии судьбы или, быть может, по промыслу Божьему, всплеск интереса к православию среди американцев протестантских вероисповеданий совпал по времени с беспрецедентным натиском на православное население России и других восточных стран со стороны чуть ли не всех существующих религиозных сект и группировок, ставший возможным благодаря падению “железного занавеса.” Впереди всех, наступая друг на друга, идут американские “евангелисты” и “харизматики,” наперебой хвастающихся друг перед другом тем, что сумели завоевать позиции даже среди “безбожных русских.” Таким образом, мы, православные, поставлены в настоящее время перед двойной, требующей безотлагательного решения, проблемой: с одной стороны, наш миссионерский долг — свидетельствовать о вере среди протестантов здесь на Западе, а с другой — мы должны серьезно бороться с распространением ересей среди православных как здесь, так и в традиционно православных странах. В любом случае мы должны срочно вооружиться необходимыми знаниями и пониманием стоящих перед нами задач.

Быть может, наиболее обескураживающей чертой протестантизма, которой протестанты обязаны своей репутацией несговорчивых упрямцев, является его

раздробленность на множество враждующих между собой сект и толков. Как у мифической гидры количество его “голов” все время умножается и хотя, безусловно, необходимы понимание и анализ всех протестантских сект, ключ к победе следует искать не здесь. Для того чтобы понять верования каждой его ветви, требуется знание истории протестантизма вообще, тщательное исследование всех основных направлений в протестантском богословии и богопочитании, а также знакомство с современной многотомной протестантской литературой, позволяющей проникнуть в сущность новейших течений протестантской мысли и практики, таких как, например, либеральная или диалектическая теологии или “религия сердца.” Но даже овладев всеми имеющимися материалами, вы не можете надеяться на то, чтобы быть в курсе особенностей все новых и новых деноминации, возникающих чуть ли не ежедневно.

Однако, при всех их различиях, у них имеется нечто общее, позволяющее подвести этот аморфный конгломерат из тысяч различных группировок под одну общую категорию: “протестант.” Все протестантские объединения веруют (с некоторыми вариациями), что правильно именно их понимание Библии и, хотя между ними существуют разногласия относительно того, что же говорит Священное Писание, все они, как правило, согласны в одном: толкование Библии должно осуществляться своими собственными силами без привлечения церковного Предания.

Если вы осознаете этот пункт их веры, в чем его ошибочность и каков должен быть правильный подход к Писанию, вы можете начинать дискуссию с протестантом любого направления. Коль скоро вы ухватите этот существенный момент, вам станет ясно, что даже такие деноминации как баптисты и свидетели Иеговы, на самом деле, не так уж отличаются друг от друга, как может показаться со стороны.

Действительно, если вам когда-нибудь приходилось слышать, как спорят о Библии баптист со свидетелем Иеговы, вы могли заметить, что в конечном счете они просто перебрасываются цитатами из Писания. Если при этом они примерно одного интеллектуального уровня, никто из них не сможет одержать верх в споре, так как у них одинаковый подход к Библии и оба они не подвергают сомнению общее для них цитирование Библии. Никто из них не понимает, что проблема как раз и заключается в ошибочности самого их подхода к Писанию. Здесь-то и кроется сердце многоголовой гидры ересей — поразите его, и тогда ее многочисленные головы безжизненно падут на землю.

Почему авторитетно “ только одно Писание?”

Если мы хотим понять, что думают протестанты по этому поводу, мы должны сначала узнать, почему они веруют в то, во что веруют. Действительно, если мы попытаемся поставить себя на место реформаторов — таких, например, как Мартин Лютер, — мы сможем понять причины, заставившие их выдвинуть тезис, что только одно Писание является безошибочным источником христианского вероучения. Необходимо учесть моральное разложение, царившее в Римской Церкви, порочные идеи, которые она выдвигала, и то извращенное понимание Предания, которое она защищала, и если еще принять во внимание тот факт, что Запад в течение нескольких столетий был отрезан от своих православных корней, то трудно себе представить как человек, подобный Лютеру, находясь в подобных обстоятельствах, мог бы добиться лучших результатов. Лютер не

мог обратиться к Преданию для борьбы с злоупотреблениями, поскольку это предание, как считали все на латинском Западе, воплощалось в том самом папстве, которое и было главным виновником злоупотреблений. Для Лютера это было ошибочное предание, и, желая преобразовать Церковь, он должен был прежде всего поставить ее на твердое основание, обратившись к Священному Писанию.

На самом деле Лютер никогда не намеревался полностью отказаться от Предания и сам он никогда не пользовался “одним только” Писанием. Но он действительно попытался использовать Писание для того, чтобы избавиться от той части римского предания, которая подверглась порче.

К сожалению, его риторика оказалась сильнее его практики, и более радикальные реформаторы довели идею “только одного Писания” до её логического конца.

Проблемы с учением “только одно Писание.”

Это учение опирается на ряд ошибочных предпосылок. Предпосылка — это то, что мы изначально принимаем как нечто само собой разумеющееся. Если предпосылка правильная, тогда все в порядке, ложная же предпосылка неизбежно ведет к ложным выводам. Если человек, основываясь на ложных предпосылках, приходит к заведомо ошибочному результату, можно надеяться, что он задастся вопросом: в чем же состоит его исходная ошибка?

Протестанты, желающие дать честную оценку текущему состоянию протестантского мира, должны себя спросить: если протестантизм и его основополагающее учение о Священном Писании (как единственном заслуживающем доверия источнике), богоугодны, то почему это привело к образованию более чем двадцати тысяч различных направлений, не могущих столкнуться между собой по поводу того, каковы основные идеи, вытекающие из Писания, и что значит “быть христианином?” Каким образом, если достаточно одной только Библии и нет необходимости в Священном Предании, и баптист, и свидетель Иеговы, и харизматик, и методист заявляет о своей вере в Библию, но ни один из них не согласен с другим относительно того, что же именно она говорит? Очевидно что эта ситуация свидетельствует против протестантов.

К сожалению, большинство из них винят в таком печальном положении все что угодно кроме самого корня проблемы. Идея о том, что вера основывается исключительно на Священном Писании, настолько незыблема для протестантизма, что подвергать ее сомнению равносильно для них отрицанию Бога. Но, как сказал Господь: “*Всякое дерево доброе приносит плод добрый, а худое дерево приносит и плоды худые*” (Мф. 7:17). Если мы будем судить о правильности принципа, утверждающего, что Священное Писание является единственным источником христианского вероучения, по его плодам, то нам ничего не останется как прийти к заключению, что это “дерево” должно быть срублено и брошено в огонь (Мф. 7:19).

Первая ложная предпосылка.

Предназначение Библии — быть наивысшим авторитетом в вопросах веры, благочестия и богослужения. Учит ли Писание, что оно “самодостаточно?”

Наиболее очевидная предпосылка, лежащая в основе учения о Писании как единственном источнике христианского вероучения, состоит в том, что Библия содержит

в себе все необходимое и достаточное для истинной веры, благочестивой жизни и правильного богочитания.

Для подтверждения этого положения чаще всего приводится следующее место из Нового Завета:

“Притом же ты с детства знаешь священные писания, которые могут умудрить тебя во спасение верою во Христа Иисуса. Все Писание богодухновенно и полезно для научения, для обличения, для исправления, для наставления в праведности, да будет совершен Божий человек, ко всякому доброму делу приготовлен” (2 Тим. 3:15-17).

Те, кто обычно использует эту цитату для защиты единственности Священного Писания как источника веры, утверждают, что здесь говорится о самодостаточности Писания, потому что “если Писание может сделать благочестивого человека... совершенным, то... для того чтобы достичь полноты совершенства, нет необходимости в Предании.”

Что же, в самом деле, следует из приведенного новозаветного текста?

Прежде всего спросим себя, что подразумевает апостол Павел, когда говорит о писаниях, которые Тимофей знал с Детства? Можно с уверенностью сказать, что Павел не имеет в виду Новый Завет, так как когда Тимофей был ребенком, новый Завет еще не был написан — фактически он не был завершен даже тогда, когда Павел писал это послание к Тимофею: еще не существовал во всей полноте тот новозаветный канон, каким мы его знаем сейчас. Очевидно, что здесь и во многих других ссылок на “писание,” встречающихся в Новом Завете, апостол Павел имеет в виду Ветхий Завет. Таким образом, если данный отрывок хотят использовать для установления границ того, что является боговдохновенным авторитетом, то нужно исключить не только Предание, но также и сам этот отрывок и вообще весь Новый Завет.

Во-вторых, если апостол Павел хотел здесь исключить предание как не имеющее пользы, то можно только удивиться, почему он в той же главе сам использует внебиблейское устное предание. Имена Ианний и Иамврий не встречаются в Ветхом Завете, однако в (2 Тим. 3:8) апостол Павел говорит, что они “противились Моисею.” Здесь он опирается на устное предание, гласящее, что имена двух наиболее выдающихся египетских волхвов, упоминаемых в повествовании об Исходе (главы 7-8), были “Ианний” и “Иамврий.” (Иллюстрированная библейская энциклопедия. Труд и издание архимандрита Никифора. Москва, 1891. Репринтное издание. М. Терра, 1990. С. 314. “Иамврий”).

И это никоим образом не единичный случай, когда в Новом Завете используется внебиблейский источник. Самый известный пример находим в Послании святого апостола Иуды, цитирующего книгу Еноха (Иуд. 1:14; ср. Енох 1:9).

Когда Церковь официально утвердила канон священных книг Ветхого и Нового Заветов, основной целью такого установления была защита Церкви от подложных книг, претендовавших на апостольское авторство, а фактически написанных еретиками (например, Евангелие от Фомы).

Еретики не могли основывать свое учение на Священном Предании, потому что их учения возникали вне Церкви; поэтому единственный способ, посредством которого они могли подвести надежный базис под свою ересь, — это исказить смысл Священного Писания и ввести в него новые книги, якобы написанные от имени апостолов или каких-либо ветхозаветных святых.

Церковь защищала себя от еретических учений, ссылаясь на апостольское происхождение Священного Предания, доказываемое апостольским преемством, то есть тем, что епископы и учителя Церкви могут исторически засвидетельствовать свою

прямую преемственность от апостолов, и опираясь на вселенность православной веры, означающую, что православная вера — это та самая вера, которой православные христиане придерживались всегда и повсюду на протяжении всей ее истории. Церковь ограждала себя от ложных и еретических книг установлением авторитетного списка священных книг, принимаемых Церковью за богодухновенные, входящих в Ветхий Завет или имеющих апостольское происхождение. Установив канон священных книг, Церковь не намеревалась утверждать, что в них содержится вся христианская вера и все необходимое для церковного богослужения и благочиния (На самом деле этот список не претендует на полный охват всех книг, которые Церковь сохранила с древних времен и которые она считает частью более широкого предания. Например, хотя книга Еноха цитируется в канонических книгах, сама она в библейский канон не вошла. Каковы бы ни были тому причины, Церковь захотела сохранить эту книгу, хотя и не посчитала нужным читать ее за богослужением, ни даже включить в состав канонических книг).

Бесспорным является также факт, что ко времени установления Церковью канона Священного Писания она — по своей вере и богослужению — была уже идентична Церкви более поздних периодов; это исторически достоверно. Что касается структуры церковной власти, то известно, что вопрос о каноне решался соборами православных епископов; вплоть до настоящего времени так и происходит в Православной Церкви, когда требуется решить какой-либо вопрос касательно учения или церковной дисциплины.

Какова была цель новозаветных писаний?

В протестантских руководствах к чтению Библии говорится, и я считаю это правильным, что при изучении Библии необходимо учитывать и литературный стиль, к которому принадлежит та или иная библейская книга. Так как разные стили должны интерпретироваться по-разному, необходимо также учитывать предмет и цель книги или отрывка, с которыми вы имеете дело.

В Новом Завете встречается четыре литературных стиля: Евангелие, историческое повествование — Деяния, послания и апокалиптическая книга — Откровение.

Евангелия написаны чтобы свидетельствовать о жизни Иисуса Христа, Его смерти и воскресении.

Библейское историческое повествование рассказывает об истории народа Божьего и о жизни выдающихся личностей, а также показывает действие в истории Божественного промысла.

Послания написаны, главным образом, как отклик на конкретные проблемы, возникавшие в различных церквях. Таким образом, то, что считалось общепринятым и понятным для всех, вообще говоря, не нашло в них подробного освещения. Вероучительные рассуждения, как правило, касались спорных или малопонятных вопросов (Например, здесь не рассматривается подробно вопрос о непогрешимости Писания, поскольку в этом не было необходимости. В настоящее время, с ростом религиозного скептицизма, эта проблема стала актуальной, и если бы послания писались в наши дни, они бы наверняка ее коснулись, таким образом, было бы нелепо делать вывод, что поскольку этот вопрос не обсуждался, древние христиане не считали его важным или отвечали на него отрицательно); о богослужении говорилось только в связи с обсуждаемыми проблемами например, (1 Кор., главы 11-14).

Апокалиптические писания — Откровение были включены в Новый Завет с целью показать окончательную победу Бога в истории.

Отметим прежде всего, что ни в одном из указанных литературных жанров, встречающихся в Новом Завете, не рассматривается богослужение в качестве главной

темы и не приводится никаких подробностей относительно того, как надо совершать богослужение в Церкви. В Ветхом Завете имеются подробные описания богослужения, совершавшегося народом Израиля (книга Левит, Псалмы); в Новом Завете содержатся лишь скудные намеки на характер богослужения первых христиан.

Почему это так?

Несомненно не потому, что их службы не имели строго установленного порядка — специалисты по литургике утверждают, что первые христиане совершали богослужения, в основном следуя чину иудейских богослужений, унаследованному от апостолов (Шмеман А. протоиерей. Введение в литургическое богословие. Париж, Имка-Пресс, 1961, С. 67). Однако даже немногие упоминания в Новом Завете, касающиеся богослужения в Древней Церкви, показывают, что новозаветные христиане далеко не напоминали собою неорганизованную толпу “свободных” харизматиков, но совершали литургическое богослужение подобно тому, как то делали их отцы и прадеды: они соблюдали определенные молитвенные часы (Деян. 3:1), службы проводились как в храме, так и в синагогах (Деян. 18:4).

Необходимо также отметить, что ни одно из литературных изложений Нового Завета не имеет своей целью исчерпывающе изложить учение христианской веры: вы не найдете там ни наставлений катехизиса, ни систематического курса богословия. Если все, что нам нужно, это только одна Библия, то почему же в ней не излагается вероучение в полном объеме? Только представьте себе, как легко могли бы разрешаться многочисленные богословские споры, если бы Библия четко отвечала на каждый богословский вопрос! Однако, как бы нам этого ни хотелось, в книгах Библии мы не найдем ничего похожего.

Вышесказанное должно быть правильно понято. Мы вовсе не умаляем важности Священного Писания — Боже упаси! В Православной Церкви веруют, что Священное Писание является полностью богодухновенным, безошибочным и достаточно авторитетным источником Божественного Откровения. Но в данном случае речь идет о том, что Библия не содержит в себе учения по всем вопросам, представляющим важность для Церкви. Как уже говорилось, в Новом Завете не описывается подробно богослужение, хотя последнее — дело вовсе не маловажное. Более того, Церковь, которая сохранила и вручила нам Священное Писание, — это та же самая Церковь, от которой мы получили определенные формы богослужения. Если мы не доверяем этой Церкви в том, что она правильно донесла до нас апостольское богослужение, то мы также не должны ей доверять и в вопросе надежного сохранения Писаний. (Фактически протестантская наука так и поступает. Хотя в основе протестантизма лежит идея, что Библия является единственным источником христианского вероучения, в современной протестантской науке господствуют модернисты, не верующие ни в боговдохновенность, ни в непогрешимость священного писания. Последние смотрят на Библию свысока и выбирают из нее только те тексты, которые им подходят, а остальное считают “первобытной мифологией и легендами.” Единственный авторитет для них — это они сами).

Является ли на самом деле Библия “самодостаточной”?

Протестанты часто заявляют, что они просто “верят в Библию.” Однако при более пристальном рассмотрении их обращения с Библией, возникает целый ряд вопросов. Например, почему протестанты пишут так много книг, посвященных своему вероучению и вообще христианской жизни, если, действительно, все, что нужно, — это только Библия? Если бы одной Библии было достаточно, для того чтобы ее понимать, то почему протестанты не ограничиваются распространением одной только Библии? И если она является самодостаточной, то почему чтение Библии не приводит к однозначному

результату, то есть почему все протестанты не веруют в одно и то же? Какова цель многих протестантских исследований Библии, если все, что нам нужно, это сама Библия? Зачем они распространяют свои бесчисленные трактаты и другие материалы? Зачем они вообще чему-то обучают или что-то проповедуют? Почему бы просто не почитать людям Библию?

Ответ заключается в том, что (хотя они обычно в этом и не признаются, но инстинктивно чувствуют) Библия, взятая сама по себе, не может быть полностью понятной. И фактически каждая протестантская секта имеет собственное предание, хотя опять-таки оно, вообще говоря, не называется таким именем. Не случайно, что все свидетели Иеговы веруют в одно и то же и все “южные баптисты” более или менее веруют в одно и то же, но вера первых существенно отличается от веры вторых. Ни свидетели Иеговы, ни баптисты, как правило, не пришли к своим взглядам самостоятельно в результате независимого чтения Библии; скорее, их научили так веровать согласно общепринятому — в той или иной секте — преданию.

Следовательно, вопрос на самом деле заключается не в том, веруем ли мы только в Библию или используем также и предание, а в том — каким преданием мы пользуемся для истолкования Библии. Какому преданию можно доверять — Апостольскому Преданию Православной Церкви или эклектичным преданиям протестантизма, не имеющим глубоких корней и возникшим лишь во времена протестантской деформации?

Вторая ложная предпосылка.

“Древняя церковь основывалась лишь на Священном Писании, в то время как Предание возникло гораздо позже и является отражением человеческих заблуждений.”

Среди многих протестантов, особенно среди евангеликов и харизматиков слово “предание,” или “традиция” носит пренебрежительный оттенок, и назвать что-либо относящимся к преданию равносильно тому, чтобы обозвать это “плотским,” “духовно мертвым,” “деструктивным” или “законническим.” И когда они читают Новый Завет, им кажется очевидным, что Библия резко осуждает предание как нечто противоположное Писанию. Древние христиане, в их понимании, весьма напоминают евангеликов или харизматиков 20 века. То, что христиане первого века по Рождестве Христовом имели литургическое богослужение или придерживались какого-то предания, им кажется невыносимым. Они думают, что подобные вещи вошли в церковь позже, “когда она подверглась порче.”

Когда же протестанты начинают серьезно изучать Древнюю Церковь и писания раннехристианских отцов и видят совсем другую картину, чем та, которую они привыкли себе воображать, это для них это равносильно удару, как это было и для меня в свое время.

Оказывается, например, что первые христиане не носили с собой свои Библии каждое воскресенье в храм для изучения; в действительности было настолько трудно заполучить копию хотя бы некоторой части писания (ведь для ее изготовления требовались время, большой труд и специальные материалы), что очень немногие люди имели свои собственные экземпляры. Чаще всего отдельные экземпляры писания хранились у специально назначавшихся для этого членов Церкви или в месте, где люди собиравались на богослужение. Более того, большинство церквей не имело у себя полного состава книг Ветхого Завета и тем более Нового, который не был даже завершен чуть ли не до конца первого столетия.

Это не означает, что древние христиане не изучали Священного Писания. Они изучали его очень серьезно, но только не индивидуально, а коллективно. И большую часть первого века христиане ограничивались изучением Ветхого Завета. Но как же они узнавали Евангелие, жизнь и учение Христа, вообще Кто такой Христос, порядок богослужения и т.д? Они располагали лишь устным Преданием, полученным ими от апостолов. Конечно, многие в древней Церкви слышали эти вещи непосредственно от самих апостолов, но гораздо больше было таких, кто их не слышал, особенно ближе к концу первого века, когда все апостолы уже ушли из жизни. Последующие поколения имели доступ к писаниям апостолов посредством Нового Завета, но, в том, что касается христианской веры, Древняя Церковь почти полностью полагалась на устное Предание.

Эта зависимость от Предания очевидна и в самих новозаветных писаниях.

Например, святой апостол Павел предостерегает фессалоникийцев: “Итак, братия, стойте и держите предания, которым вы научены или словом или посланием нашим” (2 Фес. 2:15). Здесь слово “предания” является переводом греческого слова *paradosis*, которое, хотя и по-другому переводится в некоторых протестантских версиях Библии, представляет собой то же самое слово, каковое употребляют православные греки, когда говорят о Предании, и лишь немногие библеисты оспаривают это его значение. Слово буквально означает “то, что передано.” Это то же самое слово, которое употребляется в отрицательном смысле, когда речь идет о ложных учениях фарисеев (Мк. 7:3-8), а также когда говорится об авторитетности христианского учения (1 Кор. 11:2, 2 Фес. 2:15).

С другой стороны, апостол Павел, говоря о христианском Предании, утверждает: “Хвалю вас, братия, что вы все мое помните и держите предания (*paradosis*) так, как я передал (*paredoka*) вам” (1 Кор. 11:23). Именно на эти слова ссылается Православная Церковь, когда говорит об апостольском Предании: “..за веру, однажды переданную святым” (Иуд. 3). Ее источник — Христос, она была передана Им лично апостолам посредством всего того, что Он говорил и делал, а если бы обо всем этом писать подробно, “то самому миру не вместить бы написанных книг” (Ин. 21:25). Апостолы передали свое знание всей Церкви, а церковь, будучи хранительницей этого сокровища, стала таким образом “столпом и утверждением истины” (1 Тим. 3:15).

Свидетельство Нового Завета не оставляет никаких сомнений на этот счет: древние христиане имели как устные, так и письменные предания, которые они получили от Христа через посредство апостолов. В качестве письменного Предания поначалу у них были лишь его отдельные Фрагменты: — одна поместная церковь имела какое-нибудь послание, другая, возможно, Евангелие. Постепенно все эти писания были соединены вместе в один сборник и в конце концов составили Новый Завет.

Но как же древние христиане знали, какие книги подлинные, а какие — нет (ибо, как уже отмечалось, имелось большое число подложных посланий и евангелий, о которых еретики заявляли, что они якобы написаны апостолами?) Именно Апостольское предание и помогло Церкви сделать выбор. Протестанты резко выступают против Священного Предания просто потому, что единственная его форма, с которой они сталкивались, это извращенное Предание, свойственное римскому католицизму.

В противоположность римско-католической точке зрения на Предание, которое для них олицетворяется папством и допускает введение новых догматов, ранее неизвестных Церкви, православные не считают, что Предание растет или вообще как-то меняется. Разумеется, когда Церковь сталкивается с ересью, она вынуждена определять более точно границу между истиной и заблуждением, но сама Истина не меняется. Можно сказать, что

в некотором смысле Предание расширяется. Поскольку Церковь существует в истории, она не забывает опыта, накопленного ею на историческом пути, помнит своих святых и сохраняет писания тех, кто был точным выразителем ее веры, но сама вера была *“однажды передана святым”* (Иуд. 3).

Как же мы можем знать, что Апостольское Предание сохранилось в Церкви неповрежденным? Кратко можно ответить, что Бог сохранил его в церкви, потому что Он обещал это сделать. Христос сказал, что Он созиждет Церковь Свою и врата ада не одолеют ее (Мт. 16:18). Главой Церкви является Сам Христос (Еф. 4:16), а Церковь есть Его тело (Еф. 1:22-23). Если бы Церковь потеряла или исказила апостольское Предание, то Истина должна была бы перестать быть Истиной — ибо Церковь есть столп и утверждение истины (1 Тим. 3:15).

Общая протестантская концепция церковной истории, гласящая, что, начиная со времени Константина, Церковь впала в вероотступничество и пребывала в таком состоянии вплоть до наступления Реформации, обесмысливает все эти и многие другие библейские истины. Если бы Церковь перестала существовать хотя бы на один день, то в тот же день ее бы одолели врата ада. А если бы это было так, то Христос, описывая рост Церкви в притче о горчичном зерне (Мф. 13:31-32), обязательно сказал бы о том, что первоначально выросшее растение было срублено и на его месте посеяно новое семя. Вместо этого Он использовал образ горчичного зерна, которое, будучи сначала малым, вырастает затем больше всех злаков и становится деревом.

Что же касается утверждения, что имелось некое общество истинно верующих протестантов, скрывавшееся где-то в пещерах на протяжении тысячи лет, то где этому свидетельство? Вальденсов (Вальденсы — это секта, основанная в 12 веке Пьером Сальдо, до некоторой степени предшественница реформации. Из-за преследований со стороны Римско-католической Церкви члены секты селились в горных районах северо-западной Италии. С наступлением реформации вальденсы попали под влияние этого движения и влились в него. Многие ранние протестантские историки заявляли, что вальденсы представляет собой остаток "истинных" христиан, ведущий свое начало до константиновских времен, хотя в настоящее время ни один уважаемый историк не сделал бы такого безответственного заявления. Многие фундаменталисты и секты вроде свидетелей Иеговы продолжают настаивать на своей преемственности от Древней Церкви через вальденсов, несмотря на то что вальденсы существуют и по сей день и вовсе не отождествляют себя со свидетелями Иеговы), на которых ссылаются все секты от пятидесятников до свидетелей Иеговы, не существовало вплоть до 12 века. По крайней мере трудно поверить, что эти "истинные верующие," мужественно переносившие яростные преследования римлян, спрятались, как только христианство стало законной религией. Но даже это предположение кажется более вероятным по сравнению с идеей, что такое общество могло просуществовать тысячу лет, не оставив и тени исторического свидетельства, подтверждающего его существование.

Могут также возразить, что в церковной истории известны примеры, когда одни люди учили одному, в то время как другие учили противоположному, — как же определить, в чем именно состоит апостольское Предание? И далее, если Церковь пошла по неправильному пути, то как можно было бы отличить этот путь от правильного, апостольского?

Протестанты задают эти вопросы, потому что в Римско-католической Церкви в самом деле возникли ложные предания, но это случилось потому, что латинский Запад усвоил себе извращенное понимание природы Предания. Православная точка зрения, принимавшаяся ранее на Западе и сохранившаяся в Православной Церкви, считает, что Предание по своей сути, остается неизменным и узнается по своей вселенскости, или кафоличности. О подлинности апостольского Предания свидетельствует историческая

согласованность церковного учения. Проследите, во что Церковь верила всегда и везде, на протяжении всей своей истории, и вы найдете Истину. Если можно доказать, что какое-либо верование не принималось Церковью на каком-то отрезке ее истории, то знайте — это ересь, однако нужно иметь в виду, что мы говорим именно о Церкви, а не о раскольнических группировках. Раскольники и еретики, отколовшиеся от Церкви, существовали еще в период написания Нового Завета и с тех пор их ряды постоянно пополняются, ибо, по слову апостола, *“надлежит быть и разномыслиям между вами, дабы открылись между вами искусные”* (1 Кор. 11:19).

Третья ложная предпосылка.

“Каждый человек может толковать Писания самостоятельно, без помощи Церкви.”

Хотя многие протестанты, возможно, не согласятся с такой формулировкой, тем не менее именно эта предпосылка играла главную роль, когда реформаторы впервые выдвинули тезис о Писании как единственном источнике христианского вероучения. При этом их аргументы заключались в том, что Писание само по себе является достаточно ясным и его может понять любой. Таким образом было отвергнуто положение, что для чтения Библии необходима помощь Церкви. Об этом четко говорится тюбингенскими (лютеранскими) богословами, обменявшимися письмами с патриархом Константинопольским Иеремией II спустя тридцать лет после смерти Лютера: *“Может быть, кто-нибудь скажет, что хотя, с одной стороны, Писания абсолютно безошибочны, но с другой — в них содержится много темных мест, которые нельзя понять, не прибегая к толкованиям духоносных отцов... Между тем справедливо также, что сказанное в виде намека в одном месте Писания, оказывается выраженным явно и вполне ясно в другом, так что его могут понять даже самые простые люди.”*

Хотя эти лютеранские ученые и заявляли, что пользуются святоотеческими писаниями, они возражали против необходимости обращения к ним и в тех случаях, когда, как им казалось, между Писаниями и святыми отцами не было согласия, считали, что мнением отцов нужно пренебречь. На самом же деле ученые утверждали, что если святоотеческое толкование не совпадает с их личным мнением по поводу Писаний, то их личные взгляды должны считаться более авторитетными, нежели мнение отцов Церкви. Вместо того, чтобы внимать отцам, показавшим себя праведными и святыми, предпочтение отдается суждениям простых смертных. Та же самая (человеческая) причина привела большинство современных лютеранских богословов к отвержению почти всего библейского учения (включая божественность Христа, Воскресение и т.д.) и даже к отрицанию богодухновенности самой Библии, на которой для первых лютеран, по их же словам, основывалась вся их вера.

В своем ответе патриарх Иеремия II выявил истинный характер этих учений: *“Итак, примем Предание церкви в правоте сердца, а не во многих помыслах: ибо “Бог сотворил человека правым, а люди пустились во многие помыслы”* (Еккл. 7:29). Не станем учиться новой вере, отвергнув предание святых отцов, ибо божественный апостол говорит: *“Кто благовестует вам не то, что вы приняли, да будет анафема”* (Гал. 1:3, Там же. с. 198).

Протестантское учение, признающее одно лишь Священное Писание, не удовлетворяет собственному критерию.

Можно было бы предположить, что такая система верований, как протестантизм, основывающаяся на утверждении, что только одно Писание имеет вес в вопросах веры, должна была позаботиться о том, чтобы ее главные постулаты удовлетворяли своим же собственным критериям. Можно было бы ожидать, что протестанты запасутся сотнями доказательств “от Писания,” подтверждающих их главный тезис, на котором зиждется все, во что они веруют. По меньшей мере можно было бы надеяться, что будут приведены два-три солидных текста, из которых ясно следует суть их доктрины, — поскольку и в самом Писании говорится: *“При устах двух или трех свидетелей будет твердо всякое слово”* (2 Кор. 13:1).

Однако, подобно мальчику из андерсеновской сказки, объявившему во всеуслышание, что “король-то голый,” я должен засвидетельствовать, что во всем Священном Писании нет ни единого стиха, который бы подтверждал учение о единственности Писания как источника веры. Нет даже ни одного стиха, который бы хоть как-то приближался к этой идее, и я буду рад, если кто-нибудь докажет мне обратное.

Да, в Библии имеется множество мест, где говорится о ее богодухновенности, авторитетности, полезности, — но в Библии нет ни одного места, где бы сообщалось, что Писание является единственным авторитетом для верующих. Если бы такое учение содержалось в Библии хотя бы и в скрытом виде, то уже первые отцы церкви учили бы тому же самому. Но кто из святых отцов внушал когда-либо что-либо подобное? Таким образом, основополагающий принцип протестантизма опровергает сам себя, будучи внутренне противоречивым. Протестантское учение об исключительном авторитете Библии попросту отсутствует в самой Библии; фактически оно ей противоречит (на что мы уже указывали ранее), поскольку Библия учит, что Священное Предание также является необходимым и обязательным источником христианской веры (2 Фес. 2:15; 1 Кор. 11:2).

Несостоятельность протестантских методов толкования Библии.

С первых дней Реформации протестантам пришлось столкнуться с фактом, что при данной нам Библии и при ограниченности человеческого разума люди не могут прийти к согласию между собой по важнейшим вопросам веры. Еще при жизни Мартина Лютера возникли десятки различных группировок, каждая из которых претендовала на то, что просто верует в Библию, но ни одна из которых не была согласна ни с какой другой по поводу того, что говорит Библия. В свое время Лютер мужественно держался перед имперским сеймом в Вормсе, заявив, что “если ему не представят свидетельств из Священного Писания или других ясных и неопровержимых доказательств, то он не отречется от своих сочинений.” Позднее, когда анабаптисты, которые не были согласны с лютеранами по ряду вопросов, просили проявить по отношению к ним аналогичную терпимость, они подверглись со стороны лютеран жестоким репрессиям — их тысячами отправляли на казнь вопреки провозглашенному Лютером праву на свободное толкование Священного Писания.

Несмотря на очевидные проблемы, возникшие в связи с этим учением о Священном Писании как единственном источнике веры, приведшим к дроблению протестантизма на множество сект, протестанты, не желая признавать своего поражения перед Папой, свели все дело к тому, что несогласные с ними просто неправильно читают Библию. Тогда в качестве решения проблемы был предложен целый ряд способов толкования Библии. Разумеется, требуется еще найти рецепт, позволяющий избегать бесконечного дробления на различные секты и толки, и протестанты все время заняты поисками метода или ключа, который помог бы им решить и эту проблему. Рассмотрим наиболее популярные подходы, применявшиеся до сих пор к толкованию Библии, каждый из которых по-прежнему используется тем или иным направлением протестантизма.

Первый подход: Библию нужно понимать буквально — текст ее ясен.

Это, несомненно, был самый первый подход, заявленный реформаторами, хотя довольно скоро они пришли к пониманию того, что таким образом нельзя защитить доктрину об “авторитетности одного лишь Писания.” Хотя этот подход был несостоятельным с самого начала, он до сих пор популярен среди необразованных евангелистов и харизматиков. От них часто можно услышать: “Библия говорит то, что имеет в виду, и имеет в виду то, что говорит.” Но когда дело доходит до конкретных текстов Писания, с которыми протестанты не согласны, например, места, где Христос дает апостолам власть прощать грехи (Мф. 20:23), или когда Он говорит о Евхаристии: “*Сие есть тело Мое... сие есть кровь Моя*” (Мф. 26:26-28), или когда святой апостол Павел учит, что женщины должны покрывать голову, находясь в храме (1 Кор. 11:1-16), тогда вдруг оказывается, что Библия уже не говорит то, что имеет в виду: “Ну, это не надо понимать буквально...”

Второй подход: правильное понимание дает нам Святой Дух.

Когда многочисленные течения, возникшие под знаменем Реформации, не смогли прийти к согласию друг с другом относительно толкования Священного Писания, вторым решением проблемы стало утверждение, что благочестивыми протестантами руководит Святой Дух, чтобы они могли правильно истолковывать Писания. Разумеется, каждый, кто не согласен с этим “благочестивым протестантом,” не может быть руководимым тем же самым Духом, так что в результате каждое протестантское направление должно перестать считать христианами всех тех, кто от него отличается.

Если такой подход правилен, то во всем протестантизме осталось всего-навсего одно направление, правильно толкующее священное Писание, — но какое же именно из нескольких тысяч существующих деноминаций? Конечно, ответ будет зависеть от того, с представителем какого направления вы будете разговаривать, но можно быть уверенным, что он назовет то направление, к которому принадлежит сам.

В настоящее время, однако (хотя это зависит от того, с какой из разновидностей протестантизма вы имеете дело), вы чаще встретите протестанта, который заявит об относительности истины, чем такого, кто будет настаивать на исключительной правоте своих единомышленников. С появлением все новых и новых конфессий протестантам любого толка становится все труднее утверждать, что только они правильно понимают Писание (хотя таких встречается все еще порядочно). Поэтому стало обычным преуменьшение различий между конфессиями и мнение о не существенности различий.

Считается, что каждое направление обладает только частицей истины, полной же Истиной не владеет никто. Именно на этой почве родилась ересь экуменизма.

Многие протестанты склонны даже утверждать, что истина в той или иной степени принадлежит всем религиям. Их выводы состоят в следующем. Для получения полной истины каждая конфессия должна бросить свою частицу “истины” в общий котел, затем следует все перемешать — и вот вам готовая “истина.” Но это уже будет религия антихриста. Согласно Писанию, Церковь всегда являлась и является столпом и утверждением Истины (1 Тим. 3:15). Поэтому либо Церковь пребывает в Истине, либо это не та церковь, которую основал Христос.

Третий подход: неясные места следует толковать при помощи ясных.

По-видимому, это наилучший метод, позволяющий решить задачу истолкования Библии с ее же помощью: на основе понятных текстов объяснять непонятные. Логика такого подхода проста: если в каком-либо месте Писания истина выражена неясно, то несомненно имеется другое место, утверждающее то же самое, но более ясно. Используйте ясные места как ключ — и вам откроется значение темных мест.

Именно об этом писали тюбингенские богословы при первом обмене письмами с патриархом Иеремией II: “поэтому нет лучше способа толковать Писания, как искать объяснения Писания в самом же Писании. Ибо все Писание продиктовано одним и тем же Духом Святым, который лучше всех знает Свою волю и лучше всех может определить вложенный Им Самим смысл” (Там же С. 115).

Сколь бы ни многообещающим казался этот метод, он быстро показал свою непригодность для решения проблемы протестантских разделений. Трудность заключается в том, какие именно места считать ясными, а какие — неясными.

Баптисты, утверждающие, что христианин не может лишиться спасения, коль скоро он уже “спасен,” видят целый ряд мест, которые, по их мнению, совершенно ясно учат о вечном спасении. Например: “дары и призвание Божие непреложны” (Рим. 11:29); “Овцы Мои слушаются голоса Моего, и Я знаю их, и они идут за Мною. И Я даю им жизнь вечную, и не погибнут вовек; и никто не похитит их из руки Моей” (Ин. 10:27-28). Но когда баптисты встречают стихи, из которых следует, что спасение может быть утрачено, такие например, как “праведность праведника не спасет в день преступления его” (Иез. 33:12), тогда они начинают использовать “ясные” места для объяснения “неясных.”

Методисты, считающие (совершенно справедливо), что человек может потерять спасение, если он отвернется от Бога, не находят такие места неясными и, напротив, рассматривают вышеприведенные тексты, используемые баптистами для доказательства истинности своего учения в свете других отрывков, которые им кажутся ясными.

Таким образом, методисты и баптисты перебрываются цитатами из Библии, удивляясь, как это другие не видят того, что им самим кажется очевидным.

Четвертый подход: историко-критический экзегезис.

Утопая в море субъективных мнений, протестанты стали хвататься за метод рассуждения, имеющий видимость объективности. По мере того как шло время и множились разделения, протестанты все чаще стали обращаться к “науке,” посредством которой протестантские ученые надеялись согласовать различные толкования Библии. Этот “научный” подход, который получил преобладание в протестантской библеистике (а в этом столетии стал главным и в библеистике римско-католической), обычно называется

историко-критическим экзегезисом. Начиная с так называемой эпохи Просвещения, когда многим стало казаться, что наука способна разрешить все мировые проблемы, протестантские ученые стали применять философию и методологию светских наук к богословию и Библии. Они занялись изучением Библии, исследуя всевозможные ее аспекты: историю ее написания, дошедшие до нашего времени рукописи, библейские языки и т.д.

Обращаясь со Священным Писанием как с археологической реликвией, эти ученые пытались проанализировать каждый его фрагмент, каждую “косточку,” применяя новейшие методы и приемы, какие только могла предложить наука. Честно говоря, необходимо признать, что на этом пути было получено много полезных результатов. К сожалению, подобная методология иногда приводила к ошибкам в серьезных, фундаментальных вопросах, однако она была окружена такой аурой “научной объективности,” что многие до сих пор находятся под ее очарованием. Поэтому следует подробнее рассмотреть вышеуказанный метод, проанализировав его философский базис.

Подобно всем другим протестантским подходам, этот метод также пытается толковать Библию, игнорируя церковное Предание. Хотя и не существует какого-либо особого протестантского экзегезиса, в конечном счете уповается на то, что “Писание должно говорить само за себя.” Конечно, ни один христианин не смог бы возражать против того, что говорит Священное Писание, если бы оно действительно, согласно этим методам, “говорило само за себя.” Однако проблема состоит в том, что ученые, берущие на себя смелость быть библейским рупором, пропускают текст Писания сквозь фильтр своих исходных протестантских предпосылок. Претендуя на объективность, они тем не менее толкуют Священное Писание в соответствии со своим преданием и своими догмами (будь то рационалисты-фундаменталисты или рационалисты либеральные).

Чтобы охарактеризовать деятельность протестантских ученых, позволю себе перефразировать высказывание Альберта Швейцера: в поисках смысла Библии они заглянули в бездонный колодец и создали по этому поводу огромное количество блестяще написанных томов, но, к сожалению, в том колодце они увидели лишь собственное отражение.

Ошибка протестантских ученых (как либералов, так и консерваторов) в том, что они (в соответствии с большей или меньшей степенью своей нетерпимости) применили эмпирический метод к области богословия и библейских исследований. Когда я пользуюсь термином “эмпирический,” я употребляю его в широком смысле, имея в виду рационалистическое и материалистическое мировоззрение, овладевшее многими умами на Западе и, подобно раковой опухоли, продолжающее распространяться по всему миру.

Позитивистские системы (одной из которых и является эмпиризм) пытаются опереться на какое-то “определенное” знание (Слово “позитивизм” происходит от французского positif что значит утвердительный. Этот термин впервые был введен Огюстом Кантом. Позитивистские системы строятся на предположении, что основой знания являются так называемые “факты.” В философии Канта факт — это опыт или чувство-ощущение; таким образом, Кант был предшественником современного эмпиризма. См. Краткая философская энциклопедия. М. 1994. С. 348, “Позитивизм”). Эмпиризм, строго говоря, есть вера в то, что всякое знание основано на опыте, и можно знать с определенностью только те вещи, которые устанавливаются посредством научного наблюдения.

Рука об руку с методами научного наблюдения и опыта выступает принцип методологического скепсиса, первым примером которого явилась философия Рене Декарта, который начал с утверждения, что все во вселенной может быть подвергнуто

сомнению за исключением нашего собственного существования, и на этой единственной непреложной истине (“я мыслю, следовательно существую”) пытался построить свою философскую систему.

Реформаторы вначале довольствовались положением, что Библия является фундаментом, на котором покоятся богословие и философия, но по мере того как набирал силу гуманистический дух просвещения, протестантские ученые обратили свои рационалистические методы на саму Библию, пытаясь выяснить, что можно из нее извлечь с их помощью. Представители либеральной теологии завершили этот труд и, отбросив все, что только было возможно, остались лишь при своих собственных мнениях и чувствах в качестве основы веры.

Консервативные протестанты, к счастью, были гораздо менее последовательны в своем рационалистическом подходе и таким образом сумели сохранить в своей среде почтение к Священному Писанию и веру в его богодухновенность. Тем не менее их подход (даже у наиболее убежденных фундаменталистов) все еще существенно коренится в том же рационализме, что и у либералов.

Первый тому пример можно найти у фундаменталистов-диспенсационалистов, придерживающихся детально разработанной теории, полагающей, что на различных исторических этапах Бог обращается с человеком по-разному в зависимости от периода, так называемой “диспенсации” (соответствующей определенному договору Бога с человеком).

История человечества включает в себе следующие периоды: Адамов, Ноев, Моисеев, Давидов и т.д. В этом есть определенная доля истины, но далее эта теория учит, что в настоящее время мы находимся в периоде, отличном от новозаветного, и поэтому, хотя в эпоху Нового Завета и совершались чудеса, сейчас они уже не совершаются. Это очень интересная точка зрения, позволяющая фундаменталистам (при отсутствии прочного базиса в виде Священного Писания) не отрицать библейских чудес и одновременно быть эмпириками в повседневной жизни. Таким образом, хотя на первый взгляд кажется, что рассмотрение этого подхода представляет лишь академический интерес и не имеет ничего общего с реальной жизнью среднего протестанта, фактически даже обычный среднеблагочестивый консервативный протестант мирянин неизбежно оказывается под влиянием такого рода рационализма.

Глубокая ошибочность этого, так называемого “научного,” подхода к Священному Писанию состоит в неправильном применении предпосылок эмпиризма к изучению истории, Писания, богословия. Эмпирические методы тогда дают хорошие результаты, когда конкретно применяются к естественным наукам, но когда используются там, где они неприменимы — например, при изучении истории, которая не может быть повторена и не поддается экспериментальной проверке, они не могут дать каких-либо положительных результатов (Например, одним из методов определения реальности прошлых событий, употребляемых учеными эмпирического направления, является принцип аналогии, поскольку знание основывается на опыте, то один из способов понять нечто незнакомое — это сравнить его с чем-то знакомым. Под видом исторического анализа эти ученые вычисляют вероятность предполагаемого события в прошлом (например, воскресения Иисуса Христа) на основании того, что нам известно из нашего опыта. И так как эти историки никогда не наблюдали в своей жизни ничего, с их точки зрения, сверхъестественного, то любое чудесное событие описанное в Библии, они воспринимают как миф или легенду. А поскольку для эмпирика “чудо” означает нарушение естественных законов, то поэтому чудес не бывает (по определению), так как естественные законы определяются нашими наблюдениями над тем, что мы имеем в опыте. Если бы эмпирик столкнулся с чудом в современной действительности, он бы его чудом не посчитал, так как, с его точки зрения, тогда не было бы нарушения естественных законов. Таким образом, нельзя сказать, что

эмпирики фальсифицируют трансцендентную реальность; скорее, их исходные предпосылки заранее отрицают ее наличие. См. G. E. Michalson "Pannenburg on the Resurrection and Historical Method." *Scottish Journal of Theology*, 33, April, 1980, P. 354-359).

Ученым еще предстоит изобрести “телескоп,” способный проникнуть в духовный мир. Однако протестантские богословы уже сейчас утверждают, что в свете науки существование бесов или сатаны не подтверждается. Но где тому доказательства? Даже если бы сам сатана предстал перед эмпириком с вилами в руках и в кроваво-красном плаще, последним это было бы аккуратно объяснено в контексте сложившегося у него мировоззрения. Хотя такие эмпирики и гордятся своей открытостью к правде и истине, на деле же ослеплены собственными исходными предпосылками до такой степени, что не могут видеть ничего, идущего вразрез с их моделью действительности.

Последовательное применение эмпиризма поставило бы под сомнение любое знание (включая и сам эмпиризм и его методы), но эмпиризму позволяется его сторонниками быть непоследовательным, “потому что его безжалостное искажение человеческого опыта создает ему такую высокую репутацию научной строгости, что его престиж не позволяет увидеть дефекты его фундамента” (Rev, Robert T. Osborn. "Faith as Person Knowledge. *Scottish Journal of Theology*, 28, February, 1975 P. 101-126). Связь между крайностями, к которым пришли современные либеральные протестантские ученые с одной стороны, и более консервативные фундаменталисты с другой, неясна для многих и менее всего видна консервативным фундаменталистам.

Хотя эти “консерваторы” считают себя оппозиционерами по отношению к протестантскому либерализму, они тем не менее по сути используют те же самые методы при изучении Писания, что и либералы, а вместе с этими методами проявляются лежащие в их основе философские предпосылки, о которых консерваторы говорят неохотно. Таким образом, различие между либералами и консерваторами фактически не есть различие в исходных предпосылках, а скорее, проявляется в том, насколько далеко они заходят в своих логических заключениях, отпавляясь от общих предпосылок. Подобно гадаринским свиньям, они — все вместе — очертя голову, несутся к краю пропасти; хотя либералы, возможно, уже переступили через этот край, в то время как консерваторы пока двигаются в том же направлении, но еще не зашли столь далеко.

Те протестантские общины, которые сейчас рукополагают в церковные служители гомосексуалистов, столетие назад считались консерваторами; более консервативные деноминации идут по тому же пути.

Если бы протестантский экзегезис был истинно научным, как он сам себя аттестует, он бы приводил к согласованным результатам. Если бы его методы были просто определенными “техническими” приемами, не опирающимися ни на какие предпосылки, то не имело бы значения, кто их использует, — они всегда приводили бы к одним и тем же результатам. Но что мы видим при ближайшем рассмотрении теперешнего состояния протестантских библейских исследований? По оценке самих “экспертов,” протестантская библейская наука испытывает кризис (Gerberd Hasel. *Old Testament Theology: Basic Issues in the Current Debate*. Grand Rapids, 1982. P.G).

Действительно, этот кризис, возможно, лучше всего иллюстрируется признанием известного протестантского ученого, специалиста по Ветхому Завету, Герхарда Газеля (в его обзоре истории и текущего состояния богословия Ветхого Завета): в семидесятые годы нашего столетия возникло пять новых толкований Ветхого Завета и “ни одно из них не согласуется по подходу и методу ни с каким другим” (там же с. 7).

И правда удивительно (если принять во внимание высокий научный уровень протестантских библейских исследований), что для любого набора заключений почти по любому вопросу можно найти подходящее научное обоснование. Другими словами, вы можете прийти к любому желательному для вас выводу и всегда найдется какой-нибудь доктор философии, который будет его защитником. Следовательно, здесь нет ничего общего с такими науками как, скажем, математика или химия! А значит, мы имеем дело со сферой знания, которая претендует на то, чтобы быть объективной наукой, но которая фактически является псевдонаукой, скрывающей в своих недрах большое разнообразие взаимно противоречивых философских и богословских точек зрения. До тех пор, пока ученые не изобретут инструментов, пригодных для исследования Бога, объективное научное богословие или толкование Библии невозможно.

Нельзя утверждать, что в протестантских библейских исследованиях нет ничего поучительного или полезного, но протестантские методы изучения Библии, заключенные в стандартные формы историко-лингвистического подхода, оперирующие какими-то туманными “технологиями” и отраженные зеркалами псевдонауки, являются одновременно продуктом и подспорьем протестантских богословских и философских предпосылок и, как шланги от насоса, заполняются тем, что в них накачивается. (Я рассмотрел либеральное направление протестантизма лишь для того, чтобы продемонстрировать дефекты “исторического” экзегезиса. Православный христианин скорее может встретиться с консервативным фундаменталистом или харизматиком хотя бы потому, что последние принимают свою веру достаточно всерьез, пытаясь обращать в нее других. Либеральные протестантские деноминации слишком заняты тем, чтобы удержать своих прихожан, а потому не проявляют рвения к миссионерству). С субъективностью, превосходящей самые спекулятивные методы фрейдистских психоаналитиков, протестантские ученые намеренно подбирают факты и свидетельства, соответствующие своим взглядам, и затем начинают (причем выводы существенно предопределены исходными предпосылками) применять свои методы к Священному Писанию, не переставая считать себя при этом беспристрастными учеными (Более глубокую критику крайностей историко-критического метода см. в: T. Oden. *Agenda for Theology: After Modernity What?* Grand Rapids, 1990. P. 103-147). И поскольку современные университеты не присуждают степени доктора философии тем, кто лишь просто констатирует очевидную истину, эти ученые стараются превзойти друг друга, выдвигая все новые и новые, самые невероятные, теории.

И в этом сама сущность ереси: нововведения, самонадеянность и самообман.

Православный подход.

Когда по Божьей милости я обрел православную веру и исцелился от вышеописанной богословской “шизофрении,” покинул Содом, когда огонь и сера уже пожирала его, у меня не было желания оглядываться, чтобы бросить на него прощальный взгляд. Но, к сожалению, я обнаружил, что протестантские методы и предпосылки сумели затронуть своим влиянием некоторые круги даже внутри Православной Церкви. Причина, как было сказано выше, заключается в том, что протестантский подход к Священному Писанию заявляет себя как наука и поэтому некоторым православным ученым кажется, что они оказывают Церкви большую услугу, вводя этот ошибочный подход в наши семинарии и приходы. Но в этом нет ничего нового, так всегда действовала ересь, желая обмануть верных, как сказал святой Ириней, когда в свое время повел атаку на ереси:

“При этом они нарочно искусными оборотами слов увлекают простых людей к пытливости, а между тем губят этих несчастных, не могущих отличить лжи от истины, возбуждая в них богохульные и нечестивые мысли... Ибо заблуждение не показывается одно само по себе, чтобы, явившись в своей наготе, оно не обличило само себя, но, хитро нарядившись в заманчивую одежду, оно достигает того, что по своему внешнему виду для неопытных кажется истиннее самой истины (Святой Ириной Лионский. Обличение и опровержение лжеименного знания (против ересей), М. 1871. Книга 1, Предисловие).

Во избежание ошибок и недоразумений, я прямо заявляю, что православный подход к Священному Писанию не основывается на объективном научном исследовании, его понимание Священного Писания не покоится на новейших археологических данных, но коренится в особых взаимоотношениях с Автором Писания. Православная церковь есть Тело Христово, столп и утверждение истины и одновременно является орудием, посредством которого Бог (руками его членов) писал Священное Писание, и средством, с помощью которого Бог сохранил Писания.

Православная Церковь правильно понимает Библию, потому что существует единое живое Предание, идущее еще от Адама и сквозь все времена дошедшее до современных ее членов во плоти. То, что это истина, не может быть доказано в лаборатории; убежденность в этом дается Святым Духом и опытом жизни в Боге и в Церкви.

Здесь протестант задаст вопрос: а кто может доказать, что православное Предание правильное и что вообще существует какое-либо правильное предание? С самого начала Церковь верила в то, что существует только одна Церковь. Никейский символ четко выражает эту веру: “Верую... во едину, святую, соборную и апостольскую церковь.” Это утверждение, которое признается почти всеми протестантскими исповеданиями, никогда не истолковывалось в смысле существования некоей невидимой Церкви, члены которой не могут прийти к взаимному согласию ни по одному пункту своего учения.

Соборы, установившие этот символ (так же, как и канон Священного Писания), анафематствовали тех, кто был вне Церкви, будь-то еретики как монтанисты, или раскольники как донатисты. Они не говорили: “Мы не согласны с учением монтанистов, но они такая же часть Церкви, как и мы.” Наоборот, монтанисты были исключены из церковного общения, до тех пор пока они не вернутся в Церковь и не будут вновь приняты через святое крещение и миропомазание (в случае еретиков) или только миропомазание (в случае раскольников), (2 Вселенский Собор, канон 7).

Запрещалось даже — и запрещается до сих пор — совместная молитва с теми, кто находится вне Церкви (Апостольские правила 55, 56). В отличие от протестантов, провозглашающих героями тех, кто порывает с одной группировкой и создает другую, свою собственную, в Древней Церкви подобная вещь считалась одним из самых тяжелых грехов. Как предупреждал святой Игнатий Антиохийский (ученик апостола и евангелиста Иоанна): “Не обольщайтесь, братья мои! Кто следует за вводящим в раскол, тот не наследует Царствия Божия. Кто держится чуждого учения, тот не сочувствует страданию Христову” (Филадельфийцам 3:5).

Протестантское движение было вызвано к жизни папскими злоупотреблениями, но до тех пор пока латиняне не порвали с православным Востоком, этих злоупотреблений не было. Многие современные протестантские богословы недавно вновь обратились мыслью к этому первому тысячелетию “неразделенного христианства,” постепенно начиная открывать для себя то великое сокровище, которое было утрачено Западом, в результате чего многие из них становятся православными (Недавно вышедшая трехтомная систематическая

теология Т. Одена тактически основывается на предпосылке, что нормой для богословия является “всеобщий консенсус” первого тысячелетия. Если Оден будет последовательно придерживаться своей методологии, он неизбежно также придет к православию).

Очевидно, что справедливым является только одно из следующих трех положений:

- правильного предания не существует, врата ада одолели церковь и таким образом Евангелия и Никейский символ веры ошибочны;
- истинная вера заключена в папстве, с его меняющимися или вновь вводимыми догматами, которые определяются непогрешимым наместником Христа;
- Православная Церковь есть единственная Церковь, которая была основана Христом и сохранила в целостности и неповрежденности Апостольское Предание.

Таким образом, перед протестантами стоит следующий выбор: релятивизм, римский католицизм или православие.

Большинство протестантов, из-за того что их основной богословский принцип, признающий “только одно Писание,” смог привести лишь к разъединению и спорам, давно отказалось от идеи подлинного христианского единства. Утверждение, что истинная вера может быть только одна, воспринимается ими как смешная гипотеза. Когда они сталкиваются с такими строгими доводами относительно единства Церкви, как приведенные выше, они, как правило, возмущаются и обвиняют в отсутствии христианской любви. Оказавшись вне подлинного единства, они стремятся создать единство ложное под видом современной ереси экуменизма, в которой осуждаются лишь те вероисповедания, которые претендуют на исключительное обладание истиной.

Но здесь действует не любовь, как ее понимает Церковь, а гуманистическая сентиментальность. В основу же церковного единения положена любовь. Христос пришел не для того, чтобы учредить новую философскую школу, но, как Он Сам сказал, Он пришел, чтобы создать Свою Церковь, и врата ада не одолеют ее. И это новое общество, называемое Церковью, представляет собой “не механическое объединение внутренне разделенных личностей, а единение органическое” (Архимандрит Иларион (Троицкий). Христианства нет без Церкви. М. Православная беседа, 1992. С. 18)

Это церковное единство возможно лишь благодаря новой жизни, подаваемой Святым Духом и мистически укорененной в жизни церкви. “Христианская вера соединяет верных со Христом и таким образом составляет из них всех единое стройное тело. Христос творит сие тело, каждому сообщая Себя и Духа благодати ему подавая действительно, осязательно... Если будет порвана связь с телом Церкви, то отдельная личность, обособившись и замкнувшись в своем себялюбии, лишена будет благодатного воздействия Святого Духа, живущего в Церкви” (там же С. 24).

Церковь едина, ибо она есть Тело Христово, и разделить ее онтологически невозможно. Церковь едина, так же, как едины Христос и Бог Отец. Хотя эта концепция единства кому-нибудь может показаться несущественной, тем, кто испытал ее опытно в жизни, войдя в ее реальность, она таковой не кажется. И хотя это может показаться кое-кому слишком жестким и неприемлемым, такова церковная реальность и она “требует от каждого большого самопожертвования, смирения и любви” (там же С. 47).

Наша вера в единство Церкви имеет две стороны. Это и историческое единство, и единство, существующее в настоящем времени. Это значит, в частности, что когда, например, ушли из жизни апостолы, они не оторвались от церковного единства. Они по-прежнему являются частью церкви в не меньшей степени, чем когда входили в нее во плоти. Когда мы совершаем евхаристию в любой поместной Церкви, мы совершаем ее не одни, а вместе со всей Церковью, пребывающей как на земле, так и на небе. Святые на

небесах даже ближе к нам, чем те люди, которых мы можем видеть или до которых мы можем дотронуться. Таким образом, в Православной Церкви нас учат не только те люди во плоти, которых Бог поставил чтобы нас учить, но и все церковные учителя, пребывающие на небе и на земле — святой Иоанн Златоуст является учителем в нашей теперешней жизни в не меньшей степени, чем наш ныне живущий епископ, а фактически даже в большей. Это влияет на наш подход к Священному Писанию таким образом, что мы не толкуем его, полагаясь только на свои силы (2 Петр. 1:20), но делаем это вместе со всей Церковью. Такой подход был сформулирован в классическом определении святого Викентия Леринского:

“Если написанное Слово Божие свято, совершенно и всегда вполне вразумительно при сравнении одних мест с другими, то какая же надобность присоединять к нему еще авторитет церковного его разума? Священное Писание, по самой его возвышенности, не все понимают в одном и том же смысле, но один толкует его речения так, другой иначе; так что почти сколько голов, столько же, по-видимому, можно извлечь из него и смыслов. А потому-то и совершенно необходимо, при таком множестве бесчисленно-разнообразных изворотов заблуждения, направлять нить толкования пророческих и апостольских писаний по норме церковно-вселенского их понимания. В самой же вселенской Церкви всеми мерами надобно держаться того, во что верили повсюду, во что верили всегда, во что верили все; потому что то только в действительности и в собственном смысле есть вселенское, как показывает и самое значение этого слова, что, сколько возможно, вообще все обнимает. А этому правилу мы будем, наконец, верны при том единственном условии, если будем следовать всеобщности, древности, согласию. Следовать всеобщности значит признавать истинной только ту веру, которую исповедует вся церковь на всем земном шаре; следовать древности значит ни в каком случае не отступаться от того учения, которого несомненно держались наши святые отцы и предки; следовать, наконец, согласию значит в самой древности принимать те только вероопределения и изъяснения, которых держались все или, по крайней мере, почти все пастыри и учителя” (Святой Викентий Леринский. Памятные записки. Казань, 1863).

При таком подходе к Священному писанию в задачу отдельного человека не входит стремление к оригинальности, но, скорее, обязанность знать и понимать церковное предание. Мы не должны выходить за границы, установленные отцами церкви и должны быть верными преданию, полученному нами. Для этого необходимо много учиться и размышлять, но еще важнее — если мы хотим подлинно понять Священное Писание — погрузиться в мистическую жизнь Церкви. Вот почему, когда блаженный Августин пишет о том, как надо толковать Священное Писание (Христианская наука. Книги I-IV), то, недолго останавливаясь на тех знаниях, которые необходимо иметь при изучении Писания, он много места уделяет тому, каким должен быть человек, приступающий к толкованию Священного Писания (Блаженный Августин. Христианская наука. Киев, 1835):

Это тот:

- кто любит Бога всем сердцем своим и лишен гордыни;
- кто желает уразуметь Божественную волю, движимый верой и почтением, а не гордостью или жадностью;
- кто имеет чистое сердце, по возможности умирая миру сему; кто не боится и не старается кому-либо угодить;

- кто не ищет ничего иного, кроме знания Бога и единения со Христом;
- кто алчет и жаждет праведности;
- кто неустанно участвует в делах милосердия и любви.

При таких высоких требованиях мы тем более должны смиренно преклониться под водительство отцов, которые явили эти добродетели в своей жизни, и не обманываться на свой счет, полагая, что мы можем лучше истолковать святое Божье Слово, чем они. А что же можно сказать о работе, проделанной протестантскими учеными-библеистами? В той степени, в какой она помогает нам понять историю и значение неясных мест, она может быть использована наряду с Преданием.

Святой Григорий Назианзин так это формулировал, говоря о языческой литературе:

“Даже между пресмыкающимися гадами есть такие, что мы примешиваем их в целебные составы. Так и в науках мы заимствовали исследования и умозрения, но отринули все то, что ведет к демонам, к заблуждению, во глубину погибели.” (Святой Григорий Богослов. Творения. ч. 4. М.1889. С. 51. Слово 43).

Таким образом, коль скоро мы воздерживаемся от поклонения ложным богам индивидуализма, модернизма и академического тщеславия и коль скоро мы рассматриваем историко-лингвистический анализ как рабочий инструмент, позволяющий пролить свет на неясные места в Писании, это будет способствовать нашему более глубокому пониманию Предания. Но когда протестантская наука выходит за пределы канонических текстов и проецирует чуждые идеи на Священное Писание, когда не согласуется с верой Церкви, какой та была всегда и везде, — тогда она заблуждается. Если протестанты посчитают такую точку зрения невежественной или наивной, пусть они сначала подумают над невежеством и наивностью тех ученых, которые хотят перекроить (а чаще всего просто игнорировать) двухтысячелетнее христианское учение.

Дает ли степень доктора философии возможность более глубокого проникновения в Божественные тайны, чем совместно накопленная мудрость миллионов отцов и матерей, верно служивших Богу и людям, перенесших страшные пытки и мучения, издевательства и пленения за свою веру? Обучаются ли христианству в тиши кабинетов или неся свой крест, на котором тебя же распнут?

Невежество свойственно тем, кто не удосужившись изучить Предание, считает, что им виднее, что только сейчас пришел некто, кто правильно понял истинный смысл Писания.

Заключение.

Священное Писание, вероятно, является вершиной церковного Предания, но высота, на которую возводят нас Писания, познается лишь благодаря той высокой горе, которую эта вершина увенчивает.

Оторванная от контекста всего Предания, твердая скала Священного Писания превращается просто в глиняную массу, которой может быть придана любая форма в зависимости от желания того, кто за это берется. Нельзя говорить о почитании Священного Писания, если его неправильно используют или искажают, даже если это делается во имя возвышения его же авторитета. Мы обязаны читать Библию, это святое Слово Божие! Но для того чтобы понять, что оно хочет нам сказать, давайте смиренно

сядем у ног святых, которые показали себя “делателями Слова, а не только слушателями” (Иак. 1:22) и доказали собственной жизнью, что они достойные толкователи Писания.

Если же у нас возникают вопросы касательно писаний апостолов, то обратимся к тем, кто знал апостолов лично — к таким, как святые Игнатий Антиохийский и Поликарп Смирнский. Давайте спросим у Церкви и не будем впадать в самообольщение и самообман.

Миссионерский Листок # 106
Свято-Троицкая Православная Миссия
Copyright © 2003, Holy Trinity Orthodox Mission
466 Foothill Blvd, Box 397, La Canada, Ca 91011, USA
Редактор: Епископ Александр (Милеант)

(sola_scriptura_r.doc, 05-15-2003)

Edited by	Date
А. Кокоша	5-15-2003